

Людмила Константиновна Нефёдова

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru

Вербализация философско-антропологических смыслов религиозно-художественной целостности

Аннотация. В статье рассматривается вербализация смыслов религиозно-художественной целостности. Раскрывается понятие смысла, исследуется его обнаружение в языке, фиксирующем чувственный религиозно-художественный опыт в вербальных знаковых символических формах. Проблема вербализации смысла рассматривается в контексте чувственного и рационального познания, философии языка и герменевтики. Вербализация постулирована как универсальная основа вероучения, что находит обоснование в обращении к религиозной образности в искусстве со ссылками на поэтические и музыкальные произведения. Особое внимание обращено на искусство слова, его роль в расширении горизонтов понимания мира и человека, а также на инициирование словом Писания и Предания всех видов искусства, не только религиозного, но и светского, что обусловлено действенностью, перформативностью слова.

Ключевые слова: смысл, вербализация, религиозно-художественная целостность, язык, слово, перформативность, притча, молитва.

Lyudmila K. Nefedova

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru

Verbalization of Philosophical and Anthropological Meanings of Religious and Artistic Integrity

Abstract. The article deals with the verbalization of the meanings of religious and artistic integrity. The concept of meaning is revealed, its discovery in a language that captures the sensual religious and artistic experience in verbal sign symbolic forms. The problem of verbalization of meaning is considered in the context of sensory and rational cognition, philosophy of language and hermeneutics. Verbalization is postulated as the universal basis of the creed, which finds justification in the appeal to religious imagery in art with references to poetic and musical works. Special attention is paid to the art of the word, its role in expanding the horizons of understanding the world and man, as well as the initiation of Scripture and Tradition by the word of all kinds of art, not only religious, but also secular, due to the effectiveness, performativity of the word.

Keywords: meaning, verbalization, religious and artistic integrity, language, word, performativity, parable, prayer.

Введение (Introduction)

Проблема вербализации смыслов религиозно-художественной целостности находится на пересечении целого ряда социогуманитарных дискурсов и представляет частный случай рефлексии понятия смысла и форм его объективации в культуре.

Обращение к вербализации смыслов религиозно-художественной целостности представляется чрезвычайно актуальным для углубления понимания взаимодействия чувственного и рационального аспектов процесса познания, для раскрытия роли эстетического начала в формировании религиозных чувств, а также для понимания места религи-

озно-художественной целостности в современной транзитивной культуре и, главное, для сохранения сакрального ядра культуры. При этом актуальной остается и проблема продолжения разработки дефиниции понятия смысла в гносеологии, семиотике, герменевтике, в философской логике с обращением к историко-философской традиции и лингвистической компаративистике [1, с. 710].

Гипотетически полагаем, что взаимодействие религии и искусства осуществляется на уровне связей основ вероучения с конкретно-чувственными аудиовизуальными образами. Религиозные представления, чувства, действия, религиозный опыт в целом фиксируются в конкретно

чувственной форме посредством звука, линии, цвета, а также закрепляются в вербальных нарративах. Происходит взаимодействие вербального и невербального содержаний и углубление смыслов религиозно-художественной целостности. Таким образом, вербализация смыслов вероучения представляет собой комплекс процессов трансформации чувственных переживаний и их выражения в образной, символической, знаковой формах в собственно вербальные знаковые, символические формы.

Методы (Methods)

Исходя из положения, что вербализация смыслов вероучения есть результат трансформации чувственных переживаний в слово, главным теоретическим подходом к осмыслению проблемы полагаем классическую теорию познания в аспекте субъект-объектной оппозиции, герменевтику, актуализирующую феномен понимания объекта в целом, а также и ряд ее отдельных аспектов: каноны интерпретации по Э. Бетти (адекватность понимания, горизонты собственного опыта, выявление смысла) [2]; вчувствование и вживание по Шлейермахеру [3, с. 85] и Дильтею; сближение горизонтов опыта автора и интерпретатора текста по Гадамеру [4].

Кроме того, применены языковые практики трансуровневого анализа текстов, идея перформативной функции языка [5], теория словесных жанров, включая специфику сакрального текста.

Литературный обзор (Literature Review)

В основу исследования положена, прежде всего, разработка дефиниции смысла в современной философии, на основе его понимания как внутреннего содержания, значения того, что открывается в объекте в результате процесса познания [6], а также трактовка смысла как «способности понимания, постижения, разума» [7, с. 23]. Таким образом, мы отмечаем, что понятие смысла родственно понятию мысли, а, следовательно, смысл есть цель и результат рационального познания, что предполагает наличие способности правильного суждения. Обращение к смыслу актуализирует переход от чувственного познания к рациональному, предполагающему вербализацию, оформление и выражение мысли словом. Смыслы обретают в культуре знаковую вербальную форму. Вербальность смысла обращает нас к роли слова, «единице языка, выражающей своим звуковым составом понятие о предмете, процессе, явлении действительности, их свойствах или отношениях между ними» [8, с. 414]. Роль слова в познании мира была предметом философского осмысления с древних времен. Слово участвует в творении мира, в сакральном акте номинации человеком сотворенных божественным началом объектов. При этом дар слова дается не ангелам, но человеку, который также является творением Всевышнего (Быт. 2:19–20). В Новом Завете Слово обозначено как инструмент сотворения мира. К Слову, как единому началу мира, в Евангелии от Иоанна сводится содержание многих новозаветных нарративов. Гераклит раскрыл понятие Огнелогоса не просто как первооснову мира, архе, но как скрытый смысл мира как бытия, сущего. Логос — разумное слово, истина. Огонь — первоначало всего сущего. Соединение логоса

и огня дает Огнелогос — душу, содержащую вечный божественный разумный огонь [9, с. 177]. Это начало вербализации смыслов познанного, в которые включены собственно абстракция понятия и чувственно воспринимаемое явление огня. Понятие Огнелогоса отражает фиксацию древними интенциональности слова, языка в его функции познания и фиксации познанного. Базовую гносеологическую функцию слова и образ языка в целом [5, с. 81–84] актуализировала в Средние века полемика номиналистов и реалистов. В Новое время Ф. Бэкон увидел в языке возможность заблуждения, мешающего достижению истины [10, с. 19]. В современной психолингвистике вербализация рассматривается через детализацию диалектики психических функций в процессе восприятия изобразительного искусства [11].

Таким образом, научным контекстом нашего исследования стал современный дискурс философии языка в аспектах феноменологии, эпистемологии и лингвистики текста и контекста в их историко-культурных парадигмах [12, с. 153], а также возможности выявления смысла в языковых играх [13], собственно герменевтическая игра [4], перформативность слова [5], поэзия, открывающая в качестве неспецифического философского дискурса аспекты вербализации смыслов и обнаружение их пределов. В целом современный дискурс языка обращен к онтогносеологическому статусу слова в культуре, его методологическим возможностям, к выявлению пределов выразимости [12, с. 475]. Тем не менее непосредственно проблема вербализации философско-антропологических смыслов религиозно-художественной целостности не была до настоящего времени в центре внимания исследователей.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Обращение к ряду указанных источников позволяет постулировать вербализацию в религиозно-художественной целостности как универсальную основу вероучения, проявляющуюся через доминанту искусства слова.

Прежде всего, об этом свидетельствует религиозная мифология, представляющая собой истоковую форму вербализации религиозных представлений и воззрений, лежащих в основе вероучения. Слово в ранних политеистических религиях фиксировало содержание мифа, его аффективный корень [14, с. 96–101], включалось в обряд, ритуал, определяло смыслы призывов, заклинаний, молитв. В монотеистических религиях роль слова возростала, определяя особенности священных текстов, представляющих собой литературные памятники, над выражением содержания которых трудилось не одно поколение создателей, переписчиков, переводчиков, катехизаторов. Сакральные тексты имеют статус богодуховенных творений, каждое слово в них исполнено глубокого смысла, являясь не только результатом тщательного отбора, но и обретая и раскрывая свои смыслы в контекстах Писания и Предания, которые словесно соотносимы: Писание канонизирует вероучение, а Предание убеждает тщательно соблюдать его постулаты, объясняя их.

Контекст нашего исследования требует некоторого обобщения в самом понимании слова. Термин «слово» многозначен. Слово может выражать отдельное понятие, а может

обозначать речь человека, его способность говорить. Слово — жанровая форма рассказа, повествования о каком-либо событии, обращения: «Слово о полку Игореве», «Слово о законе и благодати».

Контексты употребления слова в словаре В. И. Даля позволяют выстроить развитие его философского понимания в русской культуре XIX в. Даль раскрыл, как Слово представлено в Ветхом и Новом Заветах, в народной разговорной речи, в древней и современной Даля русской художественной литературе и литературной критике, в началах русской лингвистической науки. Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» подчеркивал, что слово — это «исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками» [7, с. 221–223]. Он привел слова К. Аксакова о том, что слово «есть воссоздание внутри себя мира». Это и речь, и беседа, и разговор. Слово — живое, оно — истина, Сын Божий. Слово спасает, скрепляет истину, оно — премудрость и сила, закон. В трех словарных столбцах на конкретных примерах Даль развертывает концепцию обмирщения слова, утраты им сакрального начала, которая несколькими десятилетиями позже была представлена в стихотворении Н. Гумилева «Слово», где раскрыт сакральный смысл слова и его десакрализация в истории культуры [15, с. 291].

Поэтическое осмысление слова у Гумилева не ограничивается узко лингвистическими рамками, но выявляет сакральный смысл, непостижимость, невозможность объяснения слова исключительно с рациональных позиций, что обусловлено его онтологическим статусом. Данный статус определяется тем, что слово принадлежит не только искусству или религии, но всем формам общественного сознания, оно универсально, оно есть *архе* культуры. Это обусловлено сущностными характеристиками слова: слово-понятие выполняет номинативную функцию, называя предмет, явление, их признаки, действия, отношения между ними. Выходя за пределы номинативной функции, вступая в связи с другими словами, слово формирует сложное культурное образование — текст, контекстуально раскрывающий все сущностные характеристики слова.

Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, слово обладает определенностью означивания. Оно есть *понятие*, в каждом конкретном случае обозначающее нечто, отделяя, дифференцируя одно от другого. То есть слово номинирует, называет всё, явленное человеческому разуму и чувству.

Во-вторых, будучи конвенционально принятым знаково-графическим комплексом, слово есть не только понятие, но и образ, ибо за ним генетически стоит чувственное начало познания: ощущение, восприятие, представление. Не случайно в корнях всех языков есть слова-звукоподражания, а в разных языках наблюдается сходство в звучании слов, означающих первоначала мира: воду, воздух, небо, землю. Мир в началах его религиозного познания человеком нащупывался именно словом. Сошлемся здесь на идею нащупывания как способа проявления и укрепления элементов жизни в универсуме у П. Тейяра де Шардена [16, с. 217]. В религиозном мифе чувственное начало слова явлено

в его многозначности и образной природе слуху и зрению, вызывая синестезию, заставляющую чувственно ощутить вкус, цвет, запах, объем, тепло, холод. Слово апеллирует к внутреннему видению, рождая мысль, проект, действие. Таким образом, слово есть не только знак, но и конкретно-чувственный образ, мысль и действие. Отчасти с этим связана трудность перевода поэтических и сакральных текстов, которые интегрируют все чувственно-рациональные аспекты слова, делая его подчас непереводаемым. Например, слово «нирвана» невозможно перевести на известные европейские языки. При этом и религиозная, и художественная культура на протяжении веков сохраняет свой словарь в его живом употреблении. Религии, культовые действия, предметно-вещный мир, сопровождающий ритуально-обрядовые действия, духовные практики, религиозные течения, а также названия общин, этапов духовного становления верующего, — всё это имеет конкретные названия в каждой религии и не подлежит изменению. Искусство также бережно хранит профессиональный словарь видов искусства, жанров, течений, направлений, предметно-вещного мира в каждом виде искусства, художественных практик и отдельных действий.

В-третьих, слово монологично. Монологизм слова восходит к библейскому праслову — Откровению. В оппозиции «человек — мир» связь между полюсами осуществлялась с помощью слова. Жаждающий истины человек внутренним слухом стремился уловить голос бытия, что и удавалось великим пророкам. Генетически слово есть нечто, пребывающее в основаниях бытия, некая вполне самодостаточная данность. Однако, раскрывая свои смыслы в бытии, слово становилось диалогом и полилогом, обретая полифонизм звучания. В результате текст, сотканный из слов, всегда диалогичен, если подразумевать взаимное сообщение между субъектами слова.

В-четвертых, слово есть *знак, символ, аудиографический комплекс*. Ему свойственна символическая интериоризованность: оно превращает называемое им явление в его живом пространственно-временном и действенном выражении в знак. Слово всегда «сверток» различных смыслов, которые накапливаются в истории его бытования, взаимодействуют между собой, раскрывают себя в тех или иных контекстах.

В-пятых, слово *перформативно*, оно разворачивает в тексте свой интенционально-действенный характер. Перформативность слова носит интеллектуальный, эмоциональный, действенно-мотивационный характер, раскрываемый в жанрах религиозной риторики: притче, молитве, псалме, ритуально-обрядовых формах.

Указанные характеристики слова имеют место как в религиозных, так и в художественных текстах. Таким образом, можно говорить о доминировании слова в формах проявления религиозного и художественного сознания, т. е. о вербальном характере вероучения. Минимальным вербальным текстом — словом-названием — иницируются смыслы, формируемые музыкой и изобразительными искусствами. Искусство слова находит развитие в жанрах религиозной риторики: молитве, проповеди, псалме. Вся религиозная ритуально-обрядовая практика строится на риторике.

Священные тексты — первые памятники художественного и философского творчества. Их понимание и объяснение, основы гносеологии любой религии реализуются, прежде всего, в слове. Доминирование искусства слова в религии обусловлено его способностью к синтезу с жестом, пластическим движением, музыкальным звуком, графически-живописным изображением. Например, обращение к Деве Марии может быть как чисто речевым, так и вокальным, включая слово и мелодию, или вокально-инструментальным, включая слово, вокал, инструмент [17]. Слово и само по себе обладает музыкальными характеристиками: ритмом, тембром, длительностью, темпом, мелодией, а в сочетании с музыкой воздействие его смысла на сознание верующего многократно увеличивается. Заметим, что религии спасения (буддизм, христианство, ислам) достаточно осторожно относятся к инструментальной музыке, которая воздействует на эмоциональную сферу без вербальной компоненты, определяющей ее смысл, но с доверием к вокальной музыке, которая, как правило, сочетается со словом, определяющим вербальный континуум понимания.

В Ветхом и Новом Заветах представлено множество жанровых форм, которые соотносятся с жанрами светской литературы: *агада* (др.-евр.) — сказание нравственно-назидательного характера, *апология* (греч.) — защитительная речь, *деяния* (евр.) — повествование о жизни праведников, *завет* — формула заключения священного союза между Богом и людьми, а также наставление лица, завершающего свой жизненный путь [18]. Эти и ряд иных текстовых форм, встречающихся в религиозных текстах, имеют место и в светской литературе. Религиозный текст отличается крайне высоким уровнем интенциональности. Будучи богодуховенным откровением, Писание и Предание определяют религиозную риторику в целом, придавая ей высокую степень убедительности, требуя безусловной веры в транслируемую ими истину Бытия.

Сила интенции религиозного текста связана с его риторическими особенностями. Определяемые как богодуховенное откровение, эти тексты прошли горнило редакторской обработки десятками и сотнями переписчиков, редакторов, переводчиков, толкователей, в результате которой было выверено каждое слово. Нет ни одного текста в истории культуры, в который было бы вложено столь много усилий, сколько вложено в языческие мифы, в Писание и Предание иудаизма, буддизма, христианства и ислама.

Нарративность и интенциональность религиозного текста имеют наиболее яркое проявление в таких жанрах религиозной риторики, как притча и молитва.

Притча (евр. *Машаль*) — «рассказ, взятый из истории или окружающей жизни, цель которого запечатлеть духовные или нравственные истины» [19, с. 353]. Притча по-гречески — *пораболэ*, сравнение. В притче сравниваются духовный и чувственный миры. Притчами говорили мудрецы, ученые и пророки [19, с. 353]. Цель притчи состоит в передаче духовной истины, понять которую помогает предисловие, пояснение к ней, или ее контекст. Нравственная идея, заключенная в притче, всегда определена и дидактична, отличается заостренностью, действенной экспрессией. Притча предельно интеллектуалистична, лаконична,

отличается минимализмом художественной моделировки образной системы. Она не столько изображает, сколько сообщает. Суммарный пространственно-временной континуум притчи движется по параболе: обозначив предмет сообщения, притча указывает на основные пункты происходящего с ним и возвращается к предмету, давая ему четкую оценку. Такова «Притча Будды о горящем доме», в которой люди вместо того, чтобы бежать из горящего дома, спрашивают о том, выстроен ли новый дом.

Притча широко представлена в сакральных текстах разных религий. В ней оттачивалась заостренность мысли в трансляции основ догматики, перформативность, что позволяло ей быть инструментом в привлечении сторонников веры. «Притча о блудном сыне» раскрывает суть любви и прощения как основы христианства. «Притча о зерне, из которого выросло семь колосьев» подчеркивает, что Апплах — Объемлющий и Знающий. Притча царя Соломона о кольце с гравировкой на внешней стороне: «Всё пройдет», а на внутренней: «И это пройдет», указывает на свойственное иудаизму чувство линейного времени, понимание скоротечности человеческой жизни.

Отшлифованная древними мастерами слова в сакральных текстах форма притчи нашла свое продолжение в развитии жанровых форм светской литературы от Средних веков до настоящего времени. В европейской литературе к притче обращались писатели и философы: Ф. Кафка, Б. Брехт, У. Голдинг, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Р. Бах. В России уже в Средние века осваивался опыт византийской и европейской притчи, что способствовало формированию корпуса житийной литературы, а позднее, уже в XIX в. — формированию лаконичного стиля русской новеллы, например, у А. П. Чехова, а также стиля исторической [20] и религиозной [21] книги для детей.

Молитва — это слово, обращенное к трансцендентному объекту. Слово в молитве определяет саму структуру действия верующего: оно называет того, к кому обращается верующий, благодарит его за предыдущую помощь, просит о новой помощи. Молитва — это признание неведомого, нуминозного трансцендентного объекта, коммуникация с ним, священный трепет перед ним, открытие наивысших ценностных смыслов бытия.

Молитва представляет в жанровом смысле диалог с Всевышним и ментально-физическую технологию данного диалога. В этом и состоит философско-антропологический смысл молитвы и ее образ в искусстве.

Молитва определяется как обращение верующего к сверхъестественным силам с просьбой о ниспослании блага и отвращении зла. Она является необходимым элементом различных религиозных практик, наряду с обрядом и ритуалом, входя в их состав и существуя отдельно, как личное обращение верующего к Богу. Молитва, будучи обращением к Всевышнему, имеет строгую композицию. Это сложное, развернутое обращение, формально являющееся монологом верующего, экзистенциально — его диалогом с трансцендентным объектом. Диалог явлен в композиции молитвы, состоящей в основе из трех элементов. Вначале верующий обращается к Богу, подчеркивая в обращении его трансцендентный статус Абсолюта с его силой,

мощью, всеведением, называя Бога, как принято в данной религии, например Всевышний, Милостивый, Милосердный, Всеведущий. Затем верующий указывает на предыдущие милости Бога, показывая, что знает его силу и могущество, благодарит Бога за уже оказанные благодеяния. А уже после высказывает свою просьбу, умоляя ее исполнить, обещая стремиться стать лучше, подчеркивая свою незначительность перед лицом Всевышнего.

Молящийся субъект выходит за пределы самоограничения и встречается с внеположенным, поскольку состояние молитвы есть пребывание молящегося во внеположенной духовной действительности.

Молитвенное состояние имеет место и в искусстве. Так, освоение новых форм и способов деятельности в искусстве, развитие искусства в целом — результат трансцендирова-

ния художника, осуществляемого по технологии молитвы: название-обращение к Неведомому, указание на уже произведенное как на опору и благодарение, просьба-искание благодати творческого акта и его результата.

Заключение (Conclusion)

Во взаимодействии религии и искусства обнаруживается взаимное инициирование ими процессов вербализации смыслов, расширение горизонтов понимания мира и человека. Так, Предание и Писание словом инициируют развитие всех видов искусства. Истоковый синкретизм религии и искусства в процессе развития этих форм общественного сознания перерастает в их синтез, позволяющий говорить о религиозно-художественной целостности, смыслы которой формируются, прежде всего, вербально.

Библиографический список

1. Бабайцев А. Ю. Смысл и значение // Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ ; Минск : Харвест : Современный литератор, 2002. С. 710–711.
2. Никитина Л. В. Герменевтические каноны Э. Бетти как методологические принципы интерпретации музыкального произведения // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 2. С. 31–35.
3. Кондрашова Ю. Ю. Наследие Ф. Шлейермахера в становлении герменевтики как теории понимания // Социокультурные проблемы подготовки современного педагога : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Брянск : Брян. гос. ун-т, 2008. С. 84–87.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
5. Карабыков А. В. Логос и глагол. Символ, слово, речевое действие в культуре христианского Средневековья. СПб. : Гуманитарная академия, 2013. 252 с.
6. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 : Р — V. М. : Терра, 1994. 688 с.
8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1976. 543 с.
9. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / подгот. А. В. Лебедев ; авт. вступ. ст., отв. ред. И. Д. Рожанский. М. : Наука, 1989. 576 с.
10. Бэкон Ф. Новый Органон // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 5–214.
11. Маховиков Д. В. Особенности вербализации в процессе восприятия абстрактной живописи // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 54–63. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-54-63
12. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. 544 с.
13. Философские идеи Людвиг Витгенштейна / под ред. М. С. Козловой. М. : Ин-т философии Рос. акад. наук, 1996. 169 с.
14. Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М. : Мысль, 1994. 919 с.
15. Гумилев Н. Соч. : в 3 т. Т. 1 : Стихотворения. Поэмы / вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. М. : Художественная литература, 1991. 590 с.
16. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : АСТ, 2002. 553 с.
17. Франц Шуберт. «Аве Мария» (D 839). Исполняет — Аида Гарифуллина. Рождественский концерт в Ватикане // Rutube : [видеохостинг]. 2022. Сент. URL: <https://rutube.ru/video/27e57bf1b3525149369ab787052402e9/> (дата обращения: 08.06.2022).
18. Мень А. Библиологический словарь // ВикиЧтение : [сайт]. URL: <https://religion.wikireading.ru/119327> (дата обращения: 17.01.2020).
19. Библейский энциклопедический словарь / сост. Э. Нюстрем. СПб. : Библия для всех, 2000. 522 с.
20. Ишимова А. О. История России для детей. М. ; Минск : Монолог, 1992. 272 с.
21. Учение Христа, изложенное для детей / сост. Л. Н. Толстой. Репр. изд. 1911 г. М. : Интербрук ; Ростов н/Д. : Малыш, 1990. 104 с.

References

- Babaitsev A.Yu. (2002) Smysl i znachenie [Meaning and Significance]*, *Gritsanov A. A. (ed.) Vsemirnaya ehntsiklopediya: Filosofiya. XX vek [World Encyclopedia: Philosophy of the 20th Century]**. Moscow, AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., Sovremennyi literator Publ., pp. 710–711. (in Russian)
- Behkon F. (1978) Novyi Organon [New Organon]*, *Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 2, pp. 5–214. (in Russian)

- Dal' V. I. (1994) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]**. Moscow, Terra Publ., vol. 4, 688 p. (in Russian)
- Frants Schubert. "Ave Mariya" (D 839). Ispolnyaet — Aida Garifullina. Rozhdestvenskii kontsert v Vatikane [Franz Schubert. "Ave Maria" (D 839). Performed by Aida Garifullina. Christmas Concert at the Vatican] (2022) *Rutube*, September. Available at: <https://rutube.ru/video/27e57bf1b3525149369ab787052402e9/> (accessed: 08.06.2022). (in Russian)
- Gadamer H.-G. (1988) *[Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik]*. Moscow, Progress Publ., 704 p. (in Russian)
- Gumilev N. (1991) *Works*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 1, 590 p. (in Russian)
- Ishimova A. O. (1992) *Istoriya Rossii dlya detei [History of Russia for Children]**. Moscow, Minsk, Monolog Publ., 272 p. (in Russian)
- Ivin A. A. (ed.) (2004) *Filosofiya: Ehntsiklopedicheskii slovar' [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]**. Moscow, Gardariki Publ., 1072 p. (in Russian)
- Karabykov A. V. (2013) *Logos i glagol. Simvol, slovo, rechevoe deistvie v kul'ture khristianskogo Srednevekov'ya [Logos and Verb. Symbol, Word, Speech Action in the Culture of the Christian Middle Ages]**. Saint Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 252 p. (in Russian)
- Kasavin I. T. (2008) *Tekst. Diskurs. Kontekst [Text. Discourse. Context]**. Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 544 p. (in Russian)
- Kondrashova Yu. Yu. (2008) *Nasledie F. Shleiermakhera v stanovlenii germenevtiki kak teorii ponimaniya [The Legacy of F. Schleiermacher in the Development of Hermeneutics as a Theory of Understanding]**, *Sotsiokul'turnye problemy podgotovki sovremennogo pedagoga [Sociocultural Problems of Training a Modern Teacher]**. Bryansk, Bryanskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 84–87. (in Russian)
- Kozlova M. S. (ed.) (1996) *Filosofskie idei Lyudviga Vitgenshteina [Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein]**. Moscow, Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 169 p. (in Russian)
- Lebedev A. V. (ed.) (1989) *Fragmentsy rannikh grecheskikh filosofov [Fragments of Early Greek Philosophers]*. Part 1. Ot ehpi-cheskikh teokosmogonii do vozniknoveniya atomistiki [From Epic Cosmogonies to the Emergence of Atomistics]**. Moscow, Nauka Publ., 576 p. (in Russian)
- Losev A. F. (1994) *Mif — Chislo — Sushchnost' [Myth — Number — Essence]**. Moscow, Mysl' Publ., 919 p. (in Russian)
- Makhovikov D. V. (2018) *Osobennosti verbalizatsii v protsesse vospriyatiya abstraktnoi zhivopisi [Peculiarities of Verbalization in Abstract Painting Perception]*, *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, no. 4 (38), pp. 54–63, doi: 10.30982/2077-5911-2018-4-54-63 (in Russian)
- Men' A. *Bibliologicheskii slovar' [Bibliological Dictionary]**, *WikiChtenie [WikiReading]*. Available at: <https://religion.wikireading.ru/119327> (accessed: 17.01.2020). (in Russian)
- Nikitina L. V. (2014) *Germenevticheskie kanony Eh. Betti kak metodologicheskie printsipy interpretatsii muzykal'nogo proizvedeniya [Betti E. Hermeneutical Canon as a Methodological Principle of Interpretation of a Musical Work]*, *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts]*, no. 2, pp. 31–35. (in Russian)
- Nyustrem Eh. (ed.) (2000) *Bibleiskii ehntsiklopedicheskii slovar' [Bible Encyclopedic Dictionary]**. Saint Petersburg, Bibliya dlya vsekh Publ., 522 p. (in Russian)
- Rozental' D. Eh., Telenkova M. A. (1976) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms]**. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 543 p. (in Russian)
- Teiyar de Sharden P. (2002) *Fenomen cheloveka [The Phenomenon of Man]**. Moscow, AST Publ., 553 p. (in Russian)
- Tolstoi L. N. (ed.) (1990) *Uchenie Khrista, izlozhennoe dlya detei [The Teaching of Christ, Set Forth for Children]**. Moscow, Interbruk Publ., Rostov-on-Don, Malyshev Publ., 104 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.